

Т.П. Буслакова

«Гроза» (1859)

Образная система в драме «Гроза» включает как реалистически обрисованных персонажей, разделяющихся на представителей «темного царства»¹ и тех, кто ищет в нем «просвета», так и символические образы природы, поэзии, красоты. В песнях, стихах, пейзажах воплощается стремление простых людей к гармонии, «необыкновенному», «чудесному». Не только Кулигин, в своих монологах досадающий на то, что люди «не понимают, какая красота в природе разлита», призывающий не бояться того, чему «каждая травка... каждый цветок радуется», а «дивиться премудрости», но и другие герои (Кудряш, Варвара) пытаются внести в свою «жестокую» жизнь «украшения», показывающие их «волю на доброе дело». Связь красоты и добра выявляется в ходе сюжетного развития как основа авторской позиции. Подчеркивая эту мысль, Кулигин выступает как герой-резонер.

В показе «темного царства» (Дикой, Кабанова, Феклуша), наряду с сатирической направленностью, важна нравоописательная тенденция. Для него наступили «последние времена», и картина быта, где царят грубость, ханжество, невежество, являющиеся основой уходящего «порядка», предстает зарисовкой патриархального «бла-алепия», в реальность которого скоро трудно будет поверить. Разрушительной силой становится жажда «воли», одушевляющая многих представителей молодого поколения. Борис согласен только «мечтать» о счастье. Не таков «лихой» Кудряш: он не только «не спускает» «ругателю» Дикому, получив кличку «грубияна» («Я грубиян считаюсь...»), но и вырывается на другую, не протоптанную дорожку, так что его «нигде не найдут». Нарушает традицию всеобщего ханжества и обмана дочь Кабановой Варвара, убегая от быта, опорой которого была ее мать.

Конфликт между старым и новым проходит через сердце Катерины. Ее образ наиболее полно изображен в пьесе, благодаря обилию речевых характеристик. В них восстанавливается ее прошлое до замужества, а также раскрывается своеобразие психологии. Героиню легко узнать, посмотрев, как она молится («Борис... Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится. Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?»). Вспоминая о девических годах, Катерина рассказывает Варваре, что «до смерти... любила в церковь ходить». И тогда «все, бывало, смотрят» на нее, потому что она чувствует себя как «в раю», вглядывается в «светлый столб», идущий от купола, видя, «будто ангелы в этом столбе летают и поют». Молилась она и дома, ночью у лампадки или утром в саду. Ее окружали цветы («У меня цветов было много, много»), в доме жили странницы и богомолки, рассказывающие «жития разные» или поющие «стихи». Так среди красоты, пения, молитв проходила ее юность («Таково хорошо было!»). Даже во сне ей виделись райские «сады... необыкновенные», горы и деревья «как на образах пишутся». С тех пор ей все кажется, что люди могут «летать так, как птицы».

Выйдя замуж за Тихона Кабанова, Катерина чувствует, что «завяла совсем», как цветок, пересаженный в темноту, или птичка, оказавшаяся в клетке. Образ жизни Кабановых тот же самый, но для нее здесь «все как будто из-под неволи». Ей нет здесь жизни, она «знает», что «умрет скоро».

Любовь к Борису для героини — «что-то... недоброе», потому что нарушает привычные представления о морали. Ей «стыдно», у нее «грех... на уме». Но что она «над

¹ «Темное царство» — название статьи Н.А. Добролюбова о ранних пьесах А.Н. Островского (1859). Дrame «Гроза» была посвящена статья «Луч света в темном царстве» (1860).

собой ни делала», как ни убеждала себя, что «это нехорошо, ведь это страшный грех», ее сил «не хватает», чтобы справиться с этой «необыкновенной» мечтой. Катерина пытается отдалить «грех», не слушая рассказов Варвары, пытается «ухватиться» за мужа. Она не хочет «обманывать», пытается «терпеть, пока терпится», считая, что стала жертвой дьявола («Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла»). Понимая, что в реальности нельзя вырваться из дома, героиня мечтает «полететь бы невидимо, куда захотела». Осуществление мечты (ключ, украденный Варварой) пугает ее («Вот так-то и гибнет наша сестра-то»).

Постоянное повторение слова «грех» в устах той, что видела ангелов, мечтала о рае, выражает напряженность внутренней борьбы. Катерина чувствует в себе силы «уйти» от опостылевшего быта («А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой»), однако изменить прежним идеалам она не хочет, а новым мыслям не доверяет («Мало ли что в голову-то придет»). «Сама судьба» толкает ее на путь «соблазна», «беды»: особенно становится «горькой» неволя после «наставлений» свекрови. Главным же является горячее желание увидеть любимого (эмоциональный накал передается с помощью семи восклицаний в конце монолога: «Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь!.. Будь, что будет, а я Бориса увижу! Ах! кабы ночь поскорее!..»). Последней попыткой удержаться от падения в «пропасть», становится просьба Катерины, обращенная к Борису («Поди от меня!.. Зачем ты моей гибели хочешь?..»), сразу же сменяющаяся признанием, что если бы он «поманил», она пошла бы на край света «и не оглянулась бы».

Любовь, проникающая до самых глубин души героини, меняет ее представления о мире. После кульминационного признания в своем «грехе» («Грешна я перед Богом и перед вами!») Катерина ощущает пустоту. Она «плачет да тает как воск», «так тоскует, так тоскует», что «сердце рвется» даже у обманутого мужа. Ей не стало легче от покаяния, так как все ее мысли и чувства заняты Борисом («Нет, нигде нет!.. Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать»). Она «как будто в забытии» произносит монолог, напоминающий причитание («Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно!»). Фольклорная стилистика появляется в речи, помогая передать переход от реалистической конкретности к поэтическому обобщению. В последнем монологе вместе с условностью образов и ритмизованной прозой («Солнышко ее греет, дождичком ее мочит...») на первый план выходит характеристика героини как воплощения русского национального характера. К таким его чертам, как глубина чувств, цельность натуры, решительность, достоинство, скрытое, не показное мужество, добавляются качества, свидетельствующие о кардинальных переменах в народной жизни. Главным из них становится понимание того, что «грехом» является согласие с «неволей», «темнотой», старым «порядком».

Признание значительности последнего решения Катерины, проявившего ее «характер» («Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!»), совершается не только в словах Кулигина («...она теперь перед судьей, который милосерднее вас!»), но и в поступке Тихона. Смерть жены освобождает его от страха. Даже понимая, что ему не жить «без нее», он поначалу боится противоречить матери («Кабанова... Прокляну, коли пойдешь. Кабанов *(падая на колени)*. Хоть взглянуть-то мне на нее!»). Увидев ее безжизненное тело, он «бросается» к ней, как бы совершив свой выбор и обращаясь к матери со страшным обвинением: «Вы ее погубили! Вы! вы!» (значение открытия Тихона подчеркнуто пятикратным повторением слова, указывающего на воплощение силы, погубившей героиню).

Образ **грозы** имеет в драме особое значение, так как в его создании проявляются ее новаторские особенности. Сюжетные события разворачиваются в основном на фоне пейзажа (первое и пятое предваряются ремарками о том, что герои находятся в «общественном саду на высоком берегу Волги», «узкая галерея» на берегу является местом четвертого действия, третье действие происходит частью на улице, частью в саду

Кабановых, только второе — в «комнате в доме». Такие необычные декорации дают возможность изобразить грозу как природное явление («Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой!»); «Варвара... Никак гроза?... Да и дождик»). В Калинове, как говорит Кулигин, «грозы частые», что, на его взгляд, делает необходимым установку «громовых отводов». Но этому мешает невежество («Дикой *(топнув ногой)*. Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник!»). Красоту, «благодать» небесного зрелища видит один Кулигин, остальные «из всего-то... себе пугал наделали», «ужасаются да придумывают» вместо того, что бы «взглянуть-то на небо».

Метафорический смысл грозы является одной из опор старого мировоззрения («Дикой... Гроза-то нам в наказание посылается...»). Угрозу божьего наказания за свой «грех» видит ней и Катерина. Ее признанию вторят удары грома, в «цвете необыкновенном» тучи героиня видит предсказание своей смерти («2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет... Катерина... я знаю, кого убьет»). Напряжение усиливается и в связи с тем, что гроза в обоих случаях сопровождается пророчествами барыни о том, что «за все отвечать придется» красоте. То значение, которое Катерина придает словам «полусумасшедшей» «старухи», опровергает Варвара («Вздор все»).

В контексте драмы вздором окажется представление о высшей ценности жизни, если в ней нет радости и любви. Его опровергнет сама героиня, утверждая в последнем монологе, что ей открылась новая истина. «Нехорошо», «не надо», «нельзя» жить в «неволе». Добро приносит в мир любовь, оно связано с красотой, милосердием («Так тихо, так хорошо!.. Кто любит, тот будет молиться...»). Гроза, пронесшаяся над Калиновом, в символическом смысле стала очистительной бурей, унесшей глубоко укоренившиеся предрассудки, очистившей место для иных «нравов», для людей, которым будет «хорошо» и на этом «свете» («Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!..»).